

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Елена
Борисёнок**

**СТАЛИНСКИЙ
ПРОКОНСУЛ**

ЛАЗАРЬ

КАГАНОВИЧ

НА УКРАИНЕ

АПОГЕЙ СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ (1925–1928)

Советский век

Елена Борисёнок

**Сталинский проконсул
Лазарь Каганович на
Украине. Апогей советской
украинизации (1925–1928)**

«Алисторус»

2021

УДК 82-94
ББК 85.374

Борисёнок Е. Ю.

Сталинский проконсул Лазарь Каганович на Украине. Апогей советской украинизации (1925–1928) / Е. Ю. Борисёнок — «Алисторус», 2021 — (Советский век)

ISBN 978-5-00180-047-7

В истории советской национальной политики в УССР период с 1925 по 1928 гг. занимает особое место: именно тогда произошел переход от так называемой «украинизации по декрету» к практической украинизации. Эти три непростых года тесно связаны с именем возглавлявшего тогда республиканскую парторганизацию Лазаря Моисеевича Кагановича. Нового назначенца в Харькове встретили настороженно — молодой верный соратник И.В. Сталина, в отличие от своего предшественника Э.И. Квиринга, сразу проявил себя как сторонник активного проведения украинизации. Данная книга расскажет читателям о бурных событиях тех лет, о многочисленных дискуссиях по поводу форм, методов, объемов украинизации, о спорах республиканских руководителей между собой и с западноукраинскими коммунистами, о реакции населения Советской Украины на происходившие изменения. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94

ББК 85.374

ISBN 978-5-00180-047-7

© Борисёнок Е. Ю., 2021

© Алисторус, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1	24
§ 1. Революция, Брестский мир и право наций на самоопределение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Елена Юрьевна Борисёнок
Сталинский проконсул Лазарь
Каганович на Украине: апогей
советской украинизации (1925–1928)**

© Борисёнок Е.Ю., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Введение

В истории становления и развития украинской государственности 1920-е гг. занимают особое место. Именно тогда большевистское руководство, решившее коренным образом преобразовать этнокультурную и этносоциальную ситуацию на Советской Украине, приступило к разворачиванию так называемой политики украинизации, проводившейся в рамках общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках. Украинизация предусматривала поддержку украинского языка и культуры, развитие социальной структуры украинского общества путем создания приоритетных возможностей для профессионального и карьерного роста представителям «коренной» национальности. Фактически украинизация представляет собой метод национального строительства, целенаправленный государственный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства республики путем специальной языковой, культурной и кадровой политики.

В период проведения украинизации три непростых года – с апреля 1925 по июль 1928 гг. – республиканскую парторганизацию возглавлял Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991). К моменту назначения в Харьков Каганович был молодым (в ноябре 1924 г. ему исполнился 31 год), но активным партийцем: к тому времени он уже был секретарем ЦК РКП(б), обладал опытом административной работы и был верным сторонником И. В. Сталина. При Кагановиче произошли важные события в истории советской украинизации. Именно тогда «украинизация по декрету» превратилась в действительную украинизацию, на этот период приходится многочисленные дискуссии о формах, методах, объемах коренизационной политики. Имя Кагановича тесно связано с событиями, получившими широкий резонанс и в республике, и за ее пределами – «дело Шумского», «дело Хвылевого», кризис в рядах западно-украинской коммунистической партии и др.

Период с 1925 по 1928 гг. весьма важен для изучения советской политики украинизации и для понимания общей динамики развития Страны Советов, поскольку позволяет глубже понять природу происходивших изменений в сфере межнациональных отношений, оценить сложность происходивших социокультурных процессов, выявить возникшие проблемы в ходе реализации государственной национальной политики. Кроме того, анализ использовавшихся в этот период методов, подходов, инструментов воздействия управленческих структур на общество предоставляет возможность изучить влияние субъективных факторов на процесс украинизации, рассмотреть степени влияния на выбор стратегических решений позиции политических лидеров республиканского и общесоюзного ранга, оценить механизмы взаимодействия властей в Москве и Харькове.

Между тем в современной **историографии** данная тема остается раскрытой не в полной мере. Несмотря на то, что об украинизации писали начиная с 1920-х гг., период ее интенсивного изучения наступил только в конце XX века. В Советском Союзе исследование данного круга проблем строго контролировалось и сводилось фактически к глорифицированному освещению советской национальной политики. За рубежом особенно активно обсуждали различные аспекты культурной жизни и национального строительства в СССР представители украинской диаспоры, причем в их трудах был представлен альтернативный советской литературе подход и советские реалии получали в основном негативную оценку. В целом в зарубежной историографии оценки советской украинизации и деятельности Л. М. Кагановича достаточно разнообразны. Так, И. В. Майстренко признавал, что с назначением Кагановича «украинизация пошла быстрыми темпами»¹, но в то же время указывал, что при назначении Кагановича Сталин преследовал цель «ни в коем случае не допустить на пост руководителя КП(б)У укра-

¹ Майстренко І. Сторінки з історії Комуністичної партії України. Б. м., Сучасність, 1979. С. 99.

инца, который осуществил бы украинизацию по убеждению, от сердца, как сын своего народа». Майстренко отмечал, что при проведении украинизации украинский генсек никогда не выходил за рамки, приписанные ему Сталиным, а эти рамки в 1920-е гг. были еще достаточно широкими, что Каганович был призван сломить препятствия на пути украинизации и потому вошел в историю Советской Украины как фигура, которая содействовала возрождению украинской нации².

И. Кошелівец в своем труде, посвященном Н. А. Скрыпнику, отмечал, что Каганович, учитывая опыт своих предшественников (Э. И. Квиринга и Д. З. Лебеда), был покладистее и не препятствовал украинизации. «Вот теперь Скрыпник пошел в наступление по всем линиям, начав с украинизации партии и ее аппарата и прессы»³, – считал этот автор, приписывая, таким образом, украинизационные инициативы не Кагановичу, а Скрыпнику. Р. Конквест отмечал: «Первым секретарем коммунистической партии Украины в апреле 1925 г. был назначен Лазарь Каганович, сменивший на этом посту тормозившего украинизацию Квиринга... Каганович, преданный Сталину деятель, вскоре приобрел ужасную репутацию, и многие полагали, что новое его назначение окажется для Украины губительным. ...Но Каганович, хотя и сознавал, что националистические украинские настроения могут выглядеть вредными в глазах руководства в Москве, активно проводил политику умеренной украинизации в ее культурном и языковом аспектах. В течение нескольких лет его лидерства на Украине национальная культура продолжала развиваться, хотя и не без задержек со стороны Москвы...»⁴.

Перелом в изучении истории советской украинизации произошел в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: широкий доступ к архивным материалам и снятие идеологических запретов на изучение проблемы привел к росту исследовательского интереса к событиям 1920–1930-х гг. и на постсоветском пространстве, и за рубежом. Именно тогда появились две известные работы зарубежных ученых, неоднократно переизданные на Украине: канадского историка украинского происхождения О. Субтельного⁵ и канадского историка с русинскими корнями П. Р. Магочи⁶. При этом нередко подходы указанных крупных ученых считают альтернативными и противопоставляют «традиционному нарративу» Субтельного «мультикультурную историю Украины» Магочи⁷.

Политику украинизации Субтельный рассматривает только применительно к УССР, выделяя соответствующую главу в разделе о Советской Украине. Историк подчеркивает, что Украина составляла «слабое звено советской власти», и поэтому, «когда нэп успокоил крестьянство, партия начала кампанию, направленную на расширение поддержки со стороны нерусских народов». Партийное руководство стремилось, «чтобы в партию и государственный аппарат шли нерусские, чтобы служащие изучали и пользовались местными языками, чтобы государство поддерживало культурное и социальное развитие других народов»⁸. Поворот в национальной политике произошел в 1933 г., когда основной угрозой для единства Советского Союза был провозглашен местный национализм, что означало «конец украинизации и начало систематических притеснений украинской культуры»⁹.

Магочи рассматривает историю страны, а не народа: русские, поляки, евреи, карпато-русины, крымские татары, немцы, румыны, греки наряду с другими народами, проживающими на территории Украины, понимаются как неотъемлемая часть украинской истории, а не

² Там же. С. 105.

³ Кошелівець І. Микола Скрипник. Мюнхен, 1972. С. 105.

⁴ Конквест Р. Жатва скорби. Лондон, 1988. С. 131.

⁵ Subtelny O. Ukraine: A History. Toronto, 1988.

⁶ Magocsi P. R. A History of Ukraine. Toronto, 1996.

⁷ Плохій С. М. Якої історії потребує сучасна Україна? // Український історичний журнал. 2013. № 3. С. 7.

⁸ Субтельний О. Україна: історія. Київ, 1991. С. 337.

⁹ Там же. С. 367.

просто противники этнических украинцев в их собственной вековой борьбе за национальное выживание¹⁰. Советскую украинизацию ученый представляет как способ легитимизации власти КП(б)У путем привлечения в свои ряды широких слоев местного населения и содействия развитию украинского языка и культуры¹¹. Как считает историк, украинизация, как и экономический эксперимент нэпа, была для большевиков только временным решением проблемы: с 1928 г. начинается переходный период для Советской Украины, КП(б)У стала уходить от «радикальной» украинизаторской политики середины 1920-х гг., а в 1933 г. стало очевидным, что Украину ожидает полная интеграция в Советский Союз¹².

Среди зарубежных трудов, так или иначе затрагивающих советскую национальную политику, следует выделить получивший большой резонанс труд американского ученого Т. Мартина, предложившего использовать в отношении Советского Союза термин «империя позитивного действия». Предлагая свою концепцию советской политики, ученый обращает внимание на ее активный характер, поддержку создания и развития национальных территорий, элит, языков, культуры. Он подчеркивает, что коренизация осуществлялась не только и не столько под давлением национал-коммунистических сил, а являлась частью последовательной программы национальных преобразований, осуществлявшихся с учетом происходивших в стране этносоциальных процессов¹³.

В последние годы украинская тематика становится более популярной и в российских научных исследованиях. Свидетельством этому является появление обобщающих трудов по истории Украины. В 2007–2008 гг. вышли два издания, подготовленные российско-украинской комиссией историков при Президиуме РАН и Президиуме НАНУ: «Очерки истории России» под редакцией А. О. Чубарьяна на украинском языке и «История Украины» под редакцией В. А. Смолия на русском. В своем труде украинские коллеги рассматривают украинизацию в традиционном для украинской историографии ключе: «Советская Россия завоевала Украину с третьей попытки, однако удерживать ее только военной силой было невозможно. Граждане Украины должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть. Представителям этой власти следовало общаться с ними на их родном языке». Таким образом, курс на коренизацию рассматривается как «привлечение к управлению национальных кадров»¹⁴. В «Очерках истории России» об украинизации практически не упоминается, хотя и указывается, что советская политика «предусматривала национальную консолидацию в границах республик (что отразилось и на политике украинизации в УССР)»¹⁵.

В 2015 г. вышла «История Украины»¹⁶, написанная российскими историками, членами российско-украинской комиссии И. Н. Данилевским, Т. Г. Таировой-Яковлевой, А. В. Шубиным, В. И. Мироненко. Как подчеркивает во введении А. О. Чубарьян, эта книга является «приглашением группы авторов к диалогу по весьма актуальной и непростой исторической проблеме»¹⁷. А. В. Шубин, написавший раздел об истории Украины с 1917 по 1945 гг., определяет советскую украинизацию как политику развития украинской культуры и расширения роли украинских кадров в руководстве страной¹⁸.

¹⁰ Магочий П.-Р. Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. V.

¹¹ Там же. С. 524.

¹² Там же. С. 549, 553–554, 558.

¹³ Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca and London, 2001; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

¹⁴ История Украины. Научно-популярные очерки / Под ред. В. А. Смолия. М., 2008. С. 626.

¹⁵ Нариси історії Росії: Пер. з рос.; за заг. Ред. О. О. Чубар'яна. Київ, 2007. С. 644.

¹⁶ История Украины. СПб., 2015. В 2019 г. вышло второе издание книги: История Украины. 2-е изд., испр. и доп. / Данилевский И. Н., Таирова-Яковлева Т. Г., Шубин А. В., Мироненко В. И. СПб., 2019.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 337.

В 2015 г. увидела свет «История Новороссии» А. В. Шубина, в которой рассмотрены особенности развития юга и востока «современного государства Украины по сравнению с центральными и западными регионами этой страны»¹⁹. Рассматривая положение этих регионов в составе УССР и ССР, исследователь замечает, что украинизация являлась «одной из важнейших черт развития УССР» в 1920-е гг. Украинизацию А. В. Шубин трактует как «политику развития украинской культуры и расширения роли украинских кадров в руководстве страной». Таким образом, украинизация «имела две стороны – культурно-просветительскую и кадрово-политическую». Как указывает историк, предполагалось, что «украинский язык и украинский этнос станут факторами, которые упрочат позиции нового режима на Украине»²⁰.

В 2017 г. была издана под грифом Российского исторического общества и Института российской истории РАН еще одна «История Новороссии». Политика украинизации, которой здесь отведено больше места, нежели в предыдущих двух обобщающих работах, рассматривается в традиционном ключе: указывается на «активную поддержку со стороны государства украинского языка, науки и культуры, продвижение украинских национальных кадров на руководящие посты в партии, советских и административных органах». При этом ключевой фигурой в проведении политики коренизации на Украине справедливо назван Л. М. Каганович, неукоснительно следовавший всем указаниям И. В. Сталина. При этом последний охарактеризован как «активный сторонник политики коренизации и один из главных ее инициаторов»²¹.

Однако стоит признать, что, несмотря на появление крупных работ по истории Украины, среди *российских историков* тема украинизации не пользуется популярностью и специальных работ явно недостаточно²². Проблема преимущественно разрабатывается на региональном уровне: речь идет о работах по политике коренизации украинского национального меньшинства в РСФСР в 1920-е гг. В данной связи необходимо отметить исследование К. С. Дроздова «Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг.» (2016). Ученый отмечает: «Советская украинизация выступала, с одной стороны, в качестве своеобразного механизма в регулировании русско-украинских национальных взаимоотношений на территории тех регионов РСФСР, где проживало украинское национальное меньшинство, а с другой стороны, она объективно являлась тем мощным фактором, который стимулировал формирование украинского национального самосознания среди населения»²³.

Российские ученые, занимающиеся проблемой коренизации в РСФСР, обращают внимание на два ее аспекта – культурно-языковой и кадровый. Например, С. Н. Коротун, С. П. Толкачева и Е. А. Шевченко в своей монографии указывают, что украинизация, проводившаяся в Воронежском крае, «предполагала, с одной стороны, изучение и применение в повседневной жизни украинского языка», а с другой – «была направлена на привлечение украинских кадров в органы местного управления, суда, культпросветучреждений»²⁴. В. З. Акопян, рассматривая украинизацию на юге России, склонен рассматривать ее как политику «по широкому внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь территорий, населенных преимущественно украинцами»²⁵, которая, с одной стороны, «должна была стать альтернативой при-

¹⁹ Шубин А. В. История Новороссии. М., 2015. С. 3.

²⁰ Там же. С. 323.

²¹ История Новороссии / отв. ред. В. Н. Захаров. М.: СПб, 2017. С. 539. Раздел «Политика украинизации и «русский вопрос» на территории исторической Новороссии в 1920–1930-е гг.» написан К. С. Дроздовым.

²² По существу, сослаться можно лишь на наши работы, напр.: Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации (М., 2006), *Ее же*. «А что мы знаем о лице Украины?»: Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017; *Ее же*. Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М., 2018.

²³ Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.-СПб, 2016. С. 465.

²⁴ Коротун С. Н., Толкачева С. П., Шевченко Е. А. Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж, 2012. С. 70.

²⁵ Акопян В. З. Общее и особенное в причинах украинизации на юге России и Украине // Украинцы юга России: проблемы

соединению к УССР обширных районов Северного Кавказа и Дона» и, с другой, «должна была расчленивать казачество на этнических русских и украинцев, что облегчило бы успешное завершение уничтожения сословности в обществе»²⁶.

И. Ю. Васильев склонен рассматривать украинизацию как «привитие восточнославянскому населению востока Украины и юга РСФСР украинской национальной идентичности и украинской культуры мерами целенаправленного воздействия государственных структур»²⁷. При этом она «проводилась с целью завоевания ВКП(б) поддержки активных носителей украинского национального самосознания (преимущественно партийцев и интеллигенции)»²⁸. И. Г. Иванцов также подчеркивает, что «в рамках коренизации был сделан упор на подготовку национальных партийных и управленческих кадров, переход к „этническому“ самоуправлению»²⁹. Заслуживает внимание трактовка Н. И. Наумовой: она пишет об украинизации в экономической, социальной, административной и культурной сферах на территории Украины как методе нациестроительства и создания советской национальной государственности³⁰.

Таким образом, российские ученые предпринимают попытки для анализа процесса коренизации среди украинцев РСФСР, мало затрагивая проблему украинизации в УССР в целом и период 1925–1928 гг. в частности. Впрочем, существует ряд ценных работ по смежной проблематике: посвященных украинскому национальному движению в Российской империи и Советском Союзе, национальной и культурной политике большевиков. Среди них необходимо отметить монографии А. И. Миллера³¹, И. В. Михутиной³², Г. Ф. Матвеева³³, А. В. Шубина³⁴, М. Э. Клоповой³⁵, А. В. Марчукова³⁶, Т. Ю. Красовицкой³⁷, Ю. А. Борисёнка³⁸, А. И. Вдовина³⁹, В.

истории, культуры, социально-экономического развития. Материалы Международной научной конференции. г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г. Ростов н/Д., 2013. С. 167.

²⁶ Там же. С. 171.

²⁷ Васильев И. Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014. С. 29.

²⁸ Там же. С. 208–209.

²⁹ Иванцов И. Г. Украинизационные мероприятия ВКП(б) на Кубани в 1921–1932 гг. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. С. 212.

³⁰ Наумова Н. И. Украинизация в образовательной политике советской власти на Дальнем Востоке СССР (1922–1930 гг.) // Русин. 2017. № 4 (50). С. 93.

³¹ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000.

³² Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003; *Ее же*. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.

³³ Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008; а также другие его многочисленные работы, в том числе монография: Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.

³⁴ Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Русской революции. М., 2005; *Он же*. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. М., 2013.

³⁵ Клопова М. Э. Русины, русские украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016.

³⁶ Марчуков А. В. Украинское национальное движение; УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. В 2015 году вышло второе издание книги, причем «при переиздании было решено не вносить изменения в ее текст». – Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 9. Отсутствие изменений в тексте касается и раздела историографии.

³⁷ Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925. М., 1992; *Ее же*. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; *Ее же*. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): Документы и материалы. М., 2007; *Ее же*. Модернизации российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М., 2011.

³⁸ Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.

³⁹ Вдовин А. И. Русские в XX в. М., 2004; *Его же*. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа М., 2013.

Н. Савченко⁴⁰. Помимо вышеуказанных работ, проблема украинизации нашла отражение во многих трудах российских историков, так или иначе затрагивающих события первых десятилетий советской власти. Среди последних работ стоит отметить очерки «Русские об Украине и украинцах» (2012), сборники статей «Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления» (2011), «Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: Люди, события, документы» (2011), «Украина и ее жители в официальных и научных терминах, публицистике и литературе» (2016) и коллективную монографию «Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР» (2018)⁴¹.

Российские ученые отмечают большое влияние на национальные процессы политики большевиков в 1920-е годы. Ю. А. Борисёнок указывает, что «проекты украинизации и белорусизации, несмотря на всю противоречивость их реализации и явственно проявившееся в этом процессе очевидное несовершенство местной и региональной системы советского управления, несомненно состоялись и достигли главной цели – создания республиканской элиты, всем обязанной и искренне преданной новой власти, при этом владеющей местной ситуацией и языком»⁴².

«Вообще, вклад большевиков в строительство украинского национального коллектива трудно переоценить, – пишет А. В. Марчуков. – В данном случае речь идет не о социальной модернизации общества и превращении его в общество современного типа, готового воспринять национальные ценности и стать нацией. Речь идет о политике большевиков в области культуры и национального строительства, известной под названием политики украинизации»⁴³.

В то же время, анализируя изменения в политике в 1930-е годы, в российской историографии поднимается и проблема голода 1932–1933 гг., с которой принято увязывать изменения в политике украинизации. В. В. Кондрашин считает, что «голод 1932–1933 гг. на Украине – это несомненная вина Сталина и его ближайшего окружения, поскольку именно они инициировали и провели принудительные хлебозаготовки 1932 г., вызвавшие голод». Вместе с тем историк подчеркивает, что «очевидна и значительная ответственность за трагедию республиканского руководства УССР и прежде всего С. В. Косиора как партийного лидера украинских коммунистов». Желание последнего «сохранить лицо, самостоятельно выправить ситуацию привело к определенной дезинформации Центра и запоздалости его реакции на возникший в УССР кризис сельского хозяйства»⁴⁴. А. В. Марчуков связывает рубеж 1929–1930 гг., с «началом форсированной социалистической модернизации СССР», когда ситуация изменилась: защита государственных интересов страны, унификация и централизация противоречили прежнему подходу, при котором основой государственности СССР были республики, что означало «расширение их полномочий как гарантию национального развития их народов». Это сказалось на судьбах украинского национального движения. В 1930-е гг. «происходит сначала

⁴⁰ Савченко В. Н. Восточнославянское польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

⁴¹ Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: Люди, события, документы. СПб., 2011; Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М., 2011; Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.; СПб., 2016; Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки. Колл. монография. М., 2018.

⁴² Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. С. 103.

⁴³ Марчуков А. В. Украинское национальное движение; УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 553.

⁴⁴ Кондрашин В. В. И. В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 255–256.

идейная, а затем организационная ликвидация структур движения и физическое устранение многих его участников»⁴⁵.

В то же время отечественные специалисты не склонны идентифицировать репрессии 1930-х годов как сознательный геноцид. Так, С. В. Чешко подчеркивает, что репрессии коснулись всех народов, в то же время преследовались прежде всего те представители национальной интеллигенции, которые исповедовали (или только подозревались в этом) идеи национализма, исламизма, тюркизма и т. п., «представлявшие режиму противоречащими официальной коммунистической идеологии и потому опасными»⁴⁶.

Без сомнения, большинство из написанных научных работ по истории советской украинизации принадлежит перу *современных украинских историков*. В современной украинской историографии сложилась определенная концепция этого явления. Авторы труда «„Украинизация“ 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки» трактуют ее как национальную реформу: «Среди многих реформ, которые сопровождали внедрение нэпа, была и национальная. В масштабах многонациональной страны она вкладывалась в формулу „политика коренизации“, а на Украине за ней закрепилось название „украинизация“»⁴⁷. М. Н. Кузьменко считает украинизацию методом советизации духовной жизни украинского общества путем идеологической адаптации национальных символов и идей к условиям советской (большевистской) модели социализма. Из объекта национального возрождения на Украине ее превратили в способ модернизации общества по основным принципам большевизма – монопартийная система власти и унифицированная духовная жизнь, утверждение единой (государственной) формы собственности и временность каких-либо социокультурных сообществ, идеализация и обожествление вождя и растворение личности в коллективе⁴⁸. С. В. Кульчицкий в монографии «Коммунизм на Украине: первое десятилетие (1919–1928)» разъясняет, что «украинизация была политикой коренизации, осуществляемой партией для укрепления правительственных структур в национальных республиках и автономиях»⁴⁹.

В украинской историографии принято соотносить причины украинизации с активизацией национальных процессов в республике. Г. Н. Васильчук утверждает: «На Украине политика коренизации претворялась в жизнь в виде украинизации, достаточно самостоятельной политики, которая должна были появиться, даже если бы большевики не начали коренизационную кампанию. Внутривластная ситуация в республике в первые послереволюционные годы обострилась настолько, что перед Коммунистической партией встала задача овладеть украинской национальной идеей и завоевывать благосклонность украинского крестьянства, сделав советскую власть, насколько это возможно, украинской, а украинский язык – языком советского общества на Украине»⁵⁰.

Развитие украинской науки, культуры, искусства в 1920-е гг. происходило, по мнению В. Ф. Солдатенко, «на базе национального возрождения, в условиях активизации национального фактора»⁵¹. «Еще в 1917 г., с взрывом Украинской революции, устами своих лидеров – М. Грушевского, В. Винниченко, С. Ефремова, И. Стешенко, Н. Порша, С. Петлюры и др. – пишет ученый, – слово украинизация было произнесено как одно из неотложных задач освободительного движения, как величественная цель духовного всплеска, национального возрождения. И

⁴⁵ Марчуков А. В. Украинское национальное движение; УССР. 1920–1930-е годы. С. 559.

⁴⁶ Чешко С. В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 2000. С. 141.

⁴⁷ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 5.

⁴⁸ Кузьменко М. М. Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004. С. 96.

⁴⁹ Кульчицкий С. В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996. С. 380.

⁵⁰ Васильчук Г. М. Причини та мета українізаційної кампанії на Україні (II десятиріччя 20 ст.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2004. Вип. 18. С. 193.

⁵¹ Солдатенко В. Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002. С. 142.

то было не только слово. Украинизация стала реальной политикой»⁵². Таким образом, большевики вынуждены были считаться с украинским национальным возрождением, и украинизация являлась попыткой овладеть этим процессом, направить его в русло социалистического строительства. Одновременно украинизация демонстрировала украинцам за Збручем, что лишь в УССР они могут удовлетворить свои национальные стремления⁵³.

Однако отнюдь не все исследователи связывают украинизацию с национальным движением только периода революции и гражданской войны. Так, В. М. Даниленко и П. Н. Бондарчук в рецензии на книгу В. Ф. Солдатенко о Н. А. Скрипнике упоминают два стереотипа, навязанных или трудами советской исторической науки, или современной украинской. Если первая из них «пыталась в разные периоды или „вычеркнуть“ „украинизацию“ из истории, или показать ее исключительно как заслугу большевиков, то многие представители последней пытаются вывести родословную „украинизации“ из периода национально-освободительной борьбы 1917–1920 гг. Не избежал этого и В. Солдатенко». Даниленко и Бондарчук считают необходимым удлинить корни украинизации и указывают: «„Украинизация“ или национальное возрождение (а оно включает в себя разные сферы: политическую, культурную, экономическую и др.), несомненно, имела место в период 1917–1920 гг. Однако связывать советскую „украинизацию“ лишь с этим периодом, на наш взгляд, недостаточно аргументированно, поскольку она имеет более глубокие корни. Еще во второй половине XIX в. украинское национальное культурное движение заявило о себе как весомая сила». С точки зрения авторов рецензии, традиция национально-культурного подвижничества, уже сложившаяся в среде украинской интеллигенции, имела непосредственное влияние и в 1920-е гг. Именно украинская интеллигенция стала движущей силой украинизации, которая вышла за рамки, отведенные для нее большевиками⁵⁴.

Современные украинские исследователи называют среди главных причин украинизации потребность укрепления позиций правящей партии в УССР⁵⁵. По словам С. В. Кульчицкого, «украинизация, которую проводили вожди советского коммунизма, сводилась к коренизации власти»⁵⁶. Историк подчеркивает прагматичность большевистской политики, ее нацеленность на укрепление режима: «Компартия Украины по национальному составу была в основном русско-еврейской и не пользовалась влиянием в украинской среде»⁵⁷. В. П. Яремчук считает, что украинизация «была противоречивой, непродолжительной, не имела своей целью национальный подъем, который, однако, свершался вопреки настоящим намерениям большевистских лидеров (утвердить власть большевиков на Украине при помощи показательной толерантности к украинскому языку, языковой и этнической украинизации партийного и советского аппарата и т. д.)...»⁵⁸. В. Б. Кузьменко считает, что политика коренизации была обусловлена объективной потребностью советской власти в расширении собственной социальной базы за счет национальных кадров. В то же время украинский исследователь признает, что благодаря коренизации возрос политический авторитет Сталина, который фактически превратился в главного координатора ее проведения⁵⁹. Как указывает Н. С. Дорошко, коренизация являлась определенной уступкой национальным республикам, целью которой было привлечение к

⁵² Там же. С. 145.

⁵³ Історія України / Ю. Д. Зайцев, В. М. Баран, Л. В. Войтович та ін. 3-є вид. Львів, 2002. С. 272–273.

⁵⁴ Даниленко В. М., Бондарчук П. М. Рец. на кн. Солдатенко В. Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002 // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 155–156.

⁵⁵ Історія України / В. Ф. Верстюк, О. В. Гарань, О. І. Гуржій та ін. Під ред. В. А. Смолія. Вид. 3-є доп. Київ, 2002. С. 301–302; «Українізація» 20–30 років: передумови, здобутки, уроки. С. 6–7.

⁵⁶ Кульчицький С. Закономірності формування української політичної нації // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 23. Київ, 2015. С. 42.

⁵⁷ Кульчицький С. В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 380–381.

⁵⁸ Яремчук В. П. Українська історіографія: суспільно-політична історія. Острог, 2017. С. 120.

⁵⁹ См.: Кузьменко В. Б. Міжнаціональні відносини в Радянській Україні (1917–1939 рр.): правові аспекти. Одеса, 2009.

коммунистическому строительству широких масс местного населения: «Этот курс, по мнению большевистских лидеров, должен был ввести в заблуждение не только население подконтрольных центру союзных республик, но и мировое сообщество, которое должно было поверить в показную щедрость большевиков в решении национальной проблемы»⁶⁰. А. В. Антонюк отмечает, что на принятие курса на украинизацию повлияло падение престижа интернационалистских лозунгов и ценностей в условиях перехода к нэпу, либерализация общества и рост оппозиционных настроений в республиках и регионах, сложность управления территориями с иной языковой и культурной ориентацией населения⁶¹. В. И. Изюмов связывает украинизацию с созданием СССР и введением нэпа, повлекшими за собой «необходимость определенной либерализации национальной политики большевиков»⁶². Следует учитывать, что компартия зачастую рассматривается украинскими историками как «чужеродное явление для украинской традиции» – как «по своему составу», так и по «внутренней доктрине»: по мнению сотрудников Института истории Украины, «украинский элемент» в КП(б)У появился только после массового вступления в ее ряды боротьбистов⁶³.

Таким образом, в украинской историографии получил распространение тезис о том, что украинизация для большевиков была лишь временной уступкой, средством укрепления власти на Украине. Кульчицкий образно называет украинизацию «рассчитанным флиртом Сталина с украинской элитой»⁶⁴, «двуликим Янусом»: хотя в Кремле всегда подчеркивали принцип «учиться и разговаривать на родном языке», в действительности для руководителей партии имело значение совсем другое – «воссоздание в национальных регионах коммунистического режима из „местных людей“ (как высказывался Сталин)»⁶⁵. Историк указывает, что партии необходимо было найти «формулу интеграции социально-экономических и национальных аспектов общественно-политической жизни». «Для втягивания в коммунистическое строительство всего нерусского населения многонациональной страны была введена кампания коренизации (в значении – укоренение советской власти), – указывает ученый. – Представители нерусских национальностей должны были принимать участие в перестройке власти как совокупности взаимосвязанных вертикалей – партийной, чекистской, советской»⁶⁶.

А. С. Рублев и Л. Д. Якубова отмечают, что введение коренизации являлось «вынужденным тактическим отступлением от теории марксизма, задачей которого было сохранение территориальной целостности Страны Советов». При помощи коренизации союзное руководство, «с одной стороны, обеспечило себе определенную передышку для перегруппировки сил за счет уменьшения центробежных политических процессов; а с другой, более основательно готовило переход многонациональной страны к социализму». В конечном итоге, считают украинские специалисты, «большевистская этнополитика в УССР сумела сбить национально-демократическое движение с пути конституирования политической нации»⁶⁷.

Ю. И. Шаповал замечает, что для В. И. Ленина идея государственности Украины была приемлема по форме, а не по сути, она была вынужденной уступкой, поскольку большевистская власть на Украине была антиукраинской силой. Однако, поскольку Ленин был утонченным

⁶⁰ Дорошко М. С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ, 2008. С. 289.

⁶¹ Антонюк О. В. Етнополітика в Україні; історія та сучасний стан // Український історичний журнал. 1999. № 4. С. 15.

⁶² Изюмов В. І. Проблема української державності у 20-ті роки ХХ ст. (історіософічний та політологічний аспекти) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. VIII. Запоріжжя, 1999. С. 75.

⁶³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 62, 66.

⁶⁴ Кульчицький С. В. Зміст радянської українізації 20-х років // Сучасність. 1998. № 9. С. 70.

⁶⁵ Кульчицький С. В. Український Голодомор в контексті політики Кремля початку 1930-х рр. Київ, 2014. С. 27.

⁶⁶ Кульчицький С. В. Сталінська «революція згори» // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 22. Київ, 2013. С. 119.

⁶⁷ Рубльов О. С., Якубова Л. Д. Органи етнополітичного регулювання в контексті політики коренізації: український досвід. Київ, 2014. С. 48–49.

политическим прагматиком, исповедовавшим гибкую тактику, он выступал за сотрудничество с теми политическими силами, которые отстаивали идеалы украинизации⁶⁸.

Г. Г. Ефименко сделал попытку исследовать «влияние национально-культурной политики на процессы модернизации». Исследователь выделяет три этапа в национально-культурной политике большевиков в 1917–1938 гг. Первый этап длился до 1932 г. – этап глобальной интернационализации, когда слияние наций и языков считалось возможным лишь в мировом масштабе, русский язык никаких преимуществ не получал, а на практике было немало сделано для развития национальных культур и языков: поскольку это не мешало, а даже помогало, намерениям Кремля сохранить или увеличить влияние на общество в условиях стремительной модернизации экономики. Второй этап – внутренней интернационализации – датируется 1933–1936 гг. и характеризуется таким признаком, как курс на слияние наций и языков в границах СССР, «но еще не на основе русского», об ассимиляции речь пока не шла. Но, «поскольку развитие национального сознания народов СССР, в частности украинцев, было помехой задекларированному Сталиным сближению наций, с любыми национальными особенностями велась ожесточенная борьба». Наконец, 1937–1938 гг. были этапом ускоренной русификации, «понятие „русский“ и „интернациональный“ язык и культура стали синонимами», модернизационная составляющая в национально-культурной политике была подзабыта, а на первое место вышла задача сохранения империи. Впрочем, «в следующие годы компартийная власть отказалась от стремительной русификации»⁶⁹. О связи коренизации и модернизации речь идет и в обобщающей работе «Национальный вопрос на Украине XX – начала XXI в.». Г. Г. Ефименко и Л. Д. Якубова в разделе, посвященном Советской Украине 1923–1938 гг., указывают: «Коренизация имела две основные взаимосвязанные составляющие, предопределенные потребностями модернизации страны и необходимостью усиления влияния власти на общество: широкое привлечение местных кадров к управленческим структурам и перевод на язык местного населения значительной части культурно-образовательной, административной и агитационно-пропагандистской работы»⁷⁰.

В изучении современными украинскими историками политики советской украинизации можно выделить несколько направлений. Прежде всего, это анализ ее социальной базы. Так, Л. М. Новохатько сделал вывод, что реализация курса на украинизацию носила характер национального возрождения, и активную роль в этих процессах играла национальная интеллигенция и украинское крестьянство⁷¹. Роль крестьянства подчеркивает также А. И. Криворучко. Он считает, что село играло роль не столько объекта украинизации, сколько было ее главным резервуаром: именно активная роль села в процессе украинизации привела к тому, что последняя вышла за очерченные Москвой рамки и приобрела нациестроительный характер. С крестьянством автор связывает не «аппаратную», а «естественную» украинизацию, анализируя роль выходцев из села в украинизации партийных и государственных структур, различных сфер общества⁷². Украинское село не нуждалось в украинизации, подчеркивает Н. А. Идрис,

⁶⁸ Шаповал Ю. И. ГПУ – НКВД як інструмент антиукраїнізації в 20–30-ті роки // Український історик. 1995. № 1–4. С. 57–72.

⁶⁹ Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика як один з основних засобів модернізації радянського суспільства у 1920–1930-ті роки // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип. 9. Київ, 2003. С. 275. См. также: Єфіменко Г. Горизонтальні зв'язки як небезпека для комунізму та «корінна зміна політики від українізації до радянізації» (1920–1922 рр.) // Україна радянська. Ілюзії та катастрофи «комуністичного раю» / Заг. ред. Г. Єфіменка. Харків, 2017. С. 263–272; Єфіменко Г. «Українізація шляхом радянізації»: причина повороту та особливості впровадження (1922–1928 рр.) // Там же. С. 273–281.

⁷⁰ Єфіменко Г., Якубова Л. Національні відносини в радянській Україні (1923–1938) // Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 196.

⁷¹ Новохатько Л. М. Соціально-економічні і культурні процеси в Україні у контексті національної політики радянської держави (20-ті – середина 30-х рр. XX ст.): Автореф. дисс. ... докт. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1999. С. 38.

⁷² Криворучко О. І. Проблема взаємодії сільської та міської культур в УСРР в 20-х роках: історичний аспект. Дисс. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1994. С. 109–129.

а русифицированный город – «бастион большевистской власти в Украине» – вызывал недоверие украиноязычного и преимущественно сельского населения Украины⁷³. П. Н. Бондарчук и В. Г. Шарпаты отмечают роль в украинизации процессов миграции населения. Переселение сельского украиноязычного населения в русифицированные города являлось, по их мнению, нациестроительным фактором. Увеличение численности украинцев – членов индустриальных профсоюзов приводило к украинизации профсоюзной работы⁷⁴.

Следующее направление тесно связано с регионалистикой, причем особенности украинизации в различных регионах УССР активно изучают и молодые украинские исследователи в своих диссертационных работах. Анализируя историю Донбасса, украинские исследователи признают отсутствие там «широкой основы „украинизации“ в виде инициативы коренного населения», отмечается также непоследовательность политики местных властей и пассивный отпор учителей переводу школьных учреждений на украинский язык (по мнению И. В. Богинской, движущей силой украинизации стали учителя из Екатеринославщины, Черниговщины, Полтавщины, Киевщины, приглашенные для работы в Донбасс⁷⁵). По замечанию П. Демьянчука, украинизацию на начальном этапе «поддерживала только часть не ассимилированных украинцев, другие этнические общины во главе с русскими не воспринимали ее». Впрочем, ситуация медленно менялась с введением обучения на родных языках, однако численность оппонентов была значительной на протяжении всего периода ее проведения⁷⁶. О. В. Обыдьева подчеркивает, что советская политика создавала условия для смешивания населения и распыления национальных меньшинств, расширения присутствия русских в регионе. Социально-экономические мероприятия государства повлекли разрушение традиционного уклада жизни национальных меньшинств, их массовую миграцию в города, где быстро происходили процессы ассимиляции. Украинизация как противовес русификации и основа, на которой должны были обеспечиваться культурные права национальных меньшинств, в Донбассе не смогла победить сильные ассимиляционные влияния русского языка и культуры⁷⁷.

В. А. Стремечкая отмечает, что в результате украинизации в южных регионах УССР увеличилось количество украинцев и лиц, владеющих украинским языком, в составе советского аппарата, среди членов и руководства профсоюзной и партийной организаций. Наиболее успешно украинизация проводилась в сфере просвещения, особенно в сельской местности. Однако, по словам исследователя, процессу украинизации препятствовала «русификация городских поселений», сопротивление значительной части «великодержавно настроенных служащих», работников культурных и просветительских учреждений, части русского или русифицированного пролетариата, а также ошибки местных органов власти, форсирование темпов украинизации, невнимание центральных органов к проблемам южных областей⁷⁸. Вообще тезис о нежелании местных органов власти, прежде всего руководителей, осуществлять про-

⁷³ Юріс Н. О. Антиукраїнські настрої у містах УСРР за доби «українізації» у 20 – на початку 30-х рр. ХХ ст. // Мандрівець. 2010. № 5. С. 37.

⁷⁴ Бондарчук П. М., Шарпаты В. Г. Профспілки і проблема «українізації» робітників і службовців УСРР в 1920-ті рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: 36. статей. Київ, 2001. Вип. 4. С. 248–256.

⁷⁵ Богінська І. В. Педагогічні кадри Донбасу і політика українізації (1920–30-ті роки). Автореф. дисс. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000. С. 14–15.

⁷⁶ Дем'яничук П. Складнощі процесу українізації в середовищі міських етнічних громад Донбасу // Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: Історичні науки. 2017. Вип. 3. С. 165.

⁷⁷ Обыдьева О. В. Національні меншини Донбасу в 20–30-ті роки ХХ століття. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000. С. 17.

⁷⁸ Стремечкая В. А. Політика українізації на Півдні України у 20–30-ті роки ХХ ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2001. С. 16. См. также: Соболь П. І. Українофобія на півдні України у добу українізації (1920–1930 р.р.). Суми, 2014.

возглашенный курс в национальной политике, о живучести великодержавной традиции прочно вошел в украинскую историографию⁷⁹.

При этом подчеркивается, что «по национальному составу пролетариат в республике был преимущественно русским или русскоязычным, тогда как крестьянство – украинским», и такая ситуация приводила к тому, что русское и русифицированное мещанство и рабочий класс оказывали отпор курсу на украинизацию, более того, «подавляющее большинство промышленных рабочих враждебно восприняли политику украинизации»⁸⁰. З. В. Нечипоренко, анализируя перспективы изучения регионального аспекта коренизации в украинской историографии, приводит в пример высказывание И. Соболя об украинофобах из числа местных русских и русифицированных украинцев, которые, по ее мнению, служили своеобразной «пятой колонной» в борьбе большевистского руководства против украинизации. Нечипоренко считает справедливым утверждение, что украинизация «развела в известной мере мифологему о Юге Украины как Новороссийском крае и тем самым послужила причиной национальной самоидентификации украинского населения в пределах этнической территории, которую раньше они не осознавали». Нечипоренко согласна и с тем, что «украинизация едва ли не впервые заставила русских, которые доминировали в регионе, считаться с языковыми и культурными запросами коренной нации»⁸¹.

Еще одно направление связано с изучением украинизации в ракурсе взаимоотношений КП(б)У с национально ориентированной интеллигенцией. В конечном итоге, считают украинские специалисты, «концепция украинизации нарождалась в жестокой политической борьбе» между «активными национал-коммунистическими силами», «великорусско ориентированной частью КП(б)У» и «украинской общественностью» (научной, просветительской и литературной интеллигенцией)⁸². Однако Н. Ю. Выговский, изучивший номенклатуру системы просвещения в УССР в 1920–1930-е гг., сделал вывод о том, что «между У КП(б) и КП(б)У не существовало чересчур принципиальных тактико-стратегических различий касательно строительства социализма, а намерения боротьбистов быстро развеялись, когда их лидеры заняли руководящие посты, однако национально-политические приоритеты у них оставались теми же самыми». Поэтому «тезис о том, что боротьбисты, перекрасившись в цвета КП(б)У, жаждали своего рода реванша, не выдерживает серьезной критики»⁸³.

Особое внимание в истории советской украинизации уделяется периоду 1930-х годов. Так, Г. Г. Ефименко не отрицает, что «к началу второго коммунистического штурма (1929–1932 гг.) компартийное руководство подходило с весомыми успехами политики коренизации»⁸⁴. Историк подчеркивает, что основной задачей правящей власти было «не допустить единения национального и социального сопротивления»⁸⁵. «Компартийная номенклатура в основной своей массе продолжала считать усиленное внимание к национальному вопросу уступкой,

⁷⁹ Виткалов В. Г. Українська культура: Сторінки історії ХХ століття. Рівне, 1997; Кокошко Ф. В. Розвиток культурно-освітньої діяльності в українському селі в 20-ті рр. (на матеріалах Півдня України). Миколаїв, 1998; Мандрик Я. І. Культура українського села в період сталінізму. Івано-Франківськ, 1998; Петров В. Діячі української культури (1920–1940 рр.). Жертви більшовицького терору. Київ, 1992.

⁸⁰ Мануїлова К. В. Вплив політики українізації на вибір мови промислових робітників і міщанства УСРР (1920–1930-ті рр.) // Актуальні питання вітчизняної та світової історії: збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23–24 квітня 2010 р. Суми, 2010. С. 95.

⁸¹ Нечипоренко З. В. Регіональні особливості політики коренізації (українізації) в УССР: сучасний стан та перспективи вивчення // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя. Вип. 21. 2007. С. 395.

⁸² «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 59.

⁸³ Выговский М. Ю. Номенклатура системы освіти в УСРР 1920–1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. Київ, 2005. С. 212–213.

⁸⁴ Ефименко Г. Г. Форма и реальное содержание «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики (1919–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 162.

⁸⁵ Там же.

отказаться от которой при более благоприятных обстоятельствах следовало бы сразу, едва ли не в течение суток (как это было сделано с украинизацией в РСФСР в декабре 1932 г.), поскольку она (эта уступка) по сути своей антагонистична коммунизму»⁸⁶, – считает Ефименко. По его мнению, «практика хлебозаготовок и коллективизации 1929–1932 гг. продемонстрировала, что, несмотря на украинизацию, в украинском обществе усилились центробежные настроения, которые проявились, прежде всего, в идее восстановления Украинской Народной Республики (УНР)»⁸⁷.

С. В. Кульчицкий, анализируя изменения в политике сталинского руководства в начале 1930-х гг., пришел к выводу, что «кризис, вызванный социально-экономической политикой (а „наступление социализма по всему фронту“ как раз и было такой политикой), в многонациональной стране должен приобретать национальную окраску». По его мнению, «реакция украинских крестьян на „наступление социализма“ в 1930–1932 гг. была особенно острой, и Сталин не мог этого не учитывать, так как стоял во главе страны, построенной на основе политизации этничности»⁸⁸. Кульчицкий признает, что «в 20-х гг., когда Сталин боролся за власть, в том числе с людьми, которые родились на Украине (Л. Троцкий и Г. Зиновьевым), в Кремле не было лучшего друга для украинской партийной элиты, чем Сталин»⁸⁹. «Он активно способствовал через своего подручного Кагановича, которого сделал генсеком ЦК КП(б)У, радикальной украинизации русифицированной Украины и позволил украинизацию прилегающих к УССР территорий Российской Федерации с преобладающим украинским населением, в том числе Кубани, – считает украинский исследователь. – За все эти „подарки“ одна из крупнейших в партии организаций – КП(б)У всегда поддерживала только Сталина в противостоянии кремлевских политических олигархов в 1923–1928 гг.». Но после укрепления своей власти Сталин «не без основания считал Украину опасной для Кремля республикой» с точки зрения проявления тенденций к самостоятельности и отделению⁹⁰.

В настоящее время в украинскую историографию прочно вошло положение о связи голода на Украине и борьбы с последовательными сторонниками украинизации. Как считает Я. В. Верменич, «режим диктаторской власти» сначала превратил политику коренизации в декларативный лозунг, а затем объявил «настоящую войну всему тому, что имело национальную окраску»⁹¹. Украинские исследователи также подчеркивают роль крестьянского фактора во взаимосвязи украинизации и голода. В. М. Даниленко и П. Н. Бондарчук убеждены, что село было катализатором украинизации, но крестьянство могло быть национальной силой лишь в тесной связи с национальной интеллигенцией. Поэтому удар по крестьянству должен был состояться одновременно с ударом по интеллигенции, со свертыванием политики украинизации⁹².

1933 г. стал рубежом, «за которым политика украинизации была не просто свернута, но и преобразована в свою противоположность», считают украинские ученые, происходит денационализация украинской культуры, репрессиям подвергаются ведущие деятели культуры⁹³. Г. Г. Ефименко уточняет, что, о культурно-языковой русификации можно говорить

⁸⁶ Там же. С. 161.

⁸⁷ Там же. С. 163.

⁸⁸ *Кульчицкий С. В.* Український Голодомор в контексті політики Кремля початку 1930-х рр. С. 190–191.

⁸⁹ Там же. С. 192.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Верменич Я. В.* Національна політика більшовиків і опозиція: підґрунтя маневрів навколо українізації 20–30-х рр. ХХ ст. // *Історія України: маловідомі імена, події, факти.* 2005. Вип. 31. С. 42–43.

⁹² *Даниленко В. М., Бондарчук П. Н.* «Українізація» і голод 1932–1933 рр. в Україні // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 18: Голод 1932–1933 років – геноцид українського народу.* Київ, 2008. С. 328, 331.

⁹³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 226.

лишь при анализе событий конца 1937–1938 гг.: в те годы она была средством централизации власти. О целенаправленной русификации после 1933 г., считает историк, говорить не приходится. Посланный на Украину Л. М. Каганович использовал для борьбы с П. П. Постышевым именно национальные украинские лозунги, вменив последнему в вину пренебрежение украинскими кадрами⁹⁴. При этом Ефименко пишет, что в 1933 г. «компартийное руководство» отказалось от идеи глобальной интернационализации, поскольку «развитие международных событий показало, что мировой кризис не перерастает в революцию, а следовательно, надежды на мировую революцию напрасны». Стоит заметить, что крушение надежд на мировую революцию вряд ли стоит связывать с 1933 г., идея строительства социализма в одной, отдельно взятой стране официально была поддержана ЦК на XIV конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Автор выбрал именно 1933 г. по-видимому, для того, чтобы связать отказ от идеи мировой революции и репрессии большевистского руководства против украинского национализма. Украинский историк пишет: «Внутренний ход событий показал, что, несмотря на поддержку национально-культурного развития нерусских народов, именно в национальных регионах социально-экономические кампании большевистского руководства, особенно коллективизация, проходили с наибольшими осложнениями». Таким образом, «было вполне понятно, что националы, в частности украинцы, являются далеко не наилучшей опорой большевистского режима. Последующее усиленное внимание к национально-культурному развитию тех же украинцев повлекло бы невозможность выполнения второй задачи советской модернизации – сохранения империи». Осознанию этого властью способствовало возвращение большевистского руководства «к пропаганде русских исторических ценностей», «другого средства (а его искали в течение 1933–1936 гг.) утвердить свое господство в обществе компартийное руководство найти не могло»⁹⁵.

Завершение украинизации обычно датируется 1938 г., когда «сталинское руководство взяло курс на ускорение ассимиляции». Сюда относят издание центральных и областных русскоязычных газет, создание комиссии по новому украинскому правописанию, введение обязательного изучения русского языка в начальных школах со второго класса⁹⁶. Эти события являются для украинских историков знаковыми, означающими окончание украинизации, победу ассимиляционного и русификаторского курсов, при этом политика большевиков на присоединенных осенью 1939 г. западноукраинских землях рассматривается только с точки зрения советизации, но не украинизации. Такая точка зрения, чрезвычайно распространенная в историографии, не является единственной. Так, Т. Мартин указывает, что в нерусских школах обучение на родном языке было обязательным, а целью постановления 1938 г. «был лишь билингвизм (двуязычие) или, самое большее, двойная культура»⁹⁷. Более того, ученый подчеркивает, что «в середине 1938 г. наблюдатель имел полное право предположить, что началась русификация Украины. Однако с окончанием Большого террора и присоединением Западной Украины в 1939 г. положение вновь стабилизировалось. И с тех пор Советская Украина оставалась двуязычной и бикультурной»⁹⁸. Безусловно, данный вывод профессора Гарвардского университета заслуживает самого пристального внимания. Без оценки процессов, происходивших в западноукраинских областях УССР в 1939–1941 гг., невозможно представить себе украинизационную политику большевиков во всей ее полноте и разнообразии.

⁹⁴ Ефименко Г. Г. Питання національної політики Кремля в Україні в перш. пол. 1937 р. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 12. Київ, 2004. С. 281.

⁹⁵ Ефименко Г. Г. Національно-культурна політика як один з основних засобів модернізації радянського суспільства у 1920–1930-ті роки // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 9. Київ, 2003. С. 276.

⁹⁶ Ефименко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 46–48.

⁹⁷ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 627.

⁹⁸ Там же. С. 505.

Несмотря на отчетливо проявляющиеся попытки современных историков найти взвешенный подход к оценке советской национальной политики 1920–1930-х гг., политика украинизации остается чрезвычайно политизированной темой, нуждающейся в объективном исследовании. Отечественные историки уделяют данной проблеме намного меньше внимания, нежели коллеги из Украины. Официальная партийная политика, по мнению украинских гуманитариев, являлась в значительной мере реакцией на активизацию национальных процессов в стране и обладала по преимуществу регулируемыми функциями. Отношение к коренизации союзного руководства рассматривается исключительно как негативное, вынужденное, сдерживающее национальное развитие Украины. Подобный подход затрудняет анализ происходивших в советской стране национальных процессов и не показывает концепцию коренизации/украинизации во всем ее многообразии. В то же время изучение украинизации середины 1920-х гг., когда украинскую парторганизацию возглавлял Л. М. Каганович, помогает выявить устойчивые клише в оценке событий и разобраться в том, что же действительно происходило на Советской Украине в эти годы.

Среди множества работ украинских специалистов, посвященных советской украинизации, детальному изучению «периода Кагановича» (1925–1928) уделяется не так много внимания, как заслуживает данная тема. Исследования зачастую сфокусированы на отдельных направлениях украинизации (в области школьного образования, профсоюзного строительства, в культурно-просветительской сфере и т. п.). Приводятся статистические данные (например, по количеству школ с украинским языком обучения в разные годы, по тиражам и наименованиям издаваемой литературы, периодической печати и т. п.), цитируются постановления республиканских органов власти, однако этого зачастую совершенно недостаточно для того, чтобы представить себе сложный период перехода от украинизации «по декрету» к украинизации «в действии». Характерно, что в популярной и пропагандистской версии истории украинского XX века украинизация к концу 2010-х гг. порой превращается в неудобную тему, которую проще обойти стороной, как это сделано, к примеру, в 2019 г. в 500-страничной книге кандидата философских наук С. И. Грабовского «Убить Сталина, иначе его мифы убьют нас»⁹⁹.

При этом авторы коллективной монографии, посвященной советской украинизации, признают «значительную зависимость результативности политики украинизации от желания того или иного партийного руководителя»¹⁰⁰. Роль Л. М. Кагановича оценивается отрицательно, поскольку тот, «поддерживая линию на аппаратную украинизацию... делал всё, чтобы выхолостить ее содержание, деморализовать настоящих носителей национальной культуры, свести к минимуму их творческую свободу». Для Кагановича украинизация была временным тактическим средством, направленным на умиротворение непокорных националов, на еще большее прикреплении их к имперскому центру. Основное внимание обращалось на усиление идеологического контроля за развитием национальной культуры¹⁰¹.

Оценивая деятельность Кагановича в УССР, украинские специалисты особенно подчеркивают его верность Сталину, акцентируя внимание на борьбе главы украинской парторганизации с «национал-коммунистами». Так, Ю. И. Шаповал подчеркивает: «В начале апреля 1925 г. КП(б)У возглавил 31-летний еврей с Киевщины Лазарь Каганович. „Каганович заправляет в партии“, – так говорили о нем в Украине в середине 1920-х годов. Первоочередной целью его приезда было обеспечение поддержки Сталина со стороны КП(б)У, создание просталинского партийно-государственного монолита»¹⁰². Украинский историк также отмечает, что Каганович

⁹⁹ Грабовський С. Убити Сталіна, інакше його міфи вб'ють нас: Соціальна міфологія «найкращого друга фізкультурників» і його послідовників. Київ, 2019.

¹⁰⁰ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 50.

¹⁰¹ Там же. С. 52.

¹⁰² Шаповал Ю. І. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів, 2017. С. 121–122.

хорошо прочувствовал новые акценты в сталинской национальной политике, которые давали себя знать во второй половине 1920-х гг., и видел в борьбе с «националистическим уклоном» чрезвычайно эффективный способ укрепления собственного влияния. Эти мотивы и стали причиной его конфликта с А. Шумским¹⁰³.

Н. А. Фролов подчеркивает, что «Л. Кагановичу принадлежит особая роль в развертывании откровенной борьбы против тех, кого очень быстро в верхушке КП(б)У и ВКП(б) стали называть „национал-коммунистами“ и „национал-уклонистами“. Таким образом, И. В. Сталин и Л. Каганович пытались очертить определенные политические и социально-культурные границы проведения национально-культурной реформы на Украине. Они были заинтересованы в общей поддержке КП(б)У их элитарной группировки в борьбе за власть внутри ВКП(б), они были заинтересованы в обеспечении и укреплении коммунистической власти в республике усилиями тех украинцев, которые связали свою судьбу с этой властью, но они никак не желали способствовать процессам развития украинского национального самосознания, их государственности и социально-культурного развития нации»¹⁰⁴. В монографии В. Ю. Васильева, посвященной динамике отношений центр-субцентр власти (1917–1938), отмечена роль Сталина и Кагановича в корректировке процесса украинизации, причем последняя рассматривается в качестве орудия социальной мобилизации вокруг идей советской власти и государства. «Захватив монопольное право на выработку и внедрение идеологием политики украинизации, эти деятели политически, а вскоре и физически уничтожали инакомыслящих руководителей в самой Компартии»¹⁰⁵, – считает этот автор.

Безусловно, оценки украинских специалистов, целиком укладывающиеся в сложившуюся в украинской историографии концепцию советской национальной политики, заслуживают пристального внимания. Вслед за украинской диаспорной историографией основной акцент делается на борьбе с инакомыслием, при этом зачастую остаются в тени особенности общественной жизни республики середины 1920-х гг., нюансы проведения украинизации в свете взаимоотношений как между центральным и республиканским руководством, так и между республиканскими лидерами и нарождающейся советской украинской интеллигенцией. Стоит отметить, что крупных исследований, посвященных практике проведения украинизации в 1925–1928 гг., до сих пор не появилось ни в зарубежной, ни в отечественной историографии. Между тем ощущается настоятельная необходимость в конкретном, скрупулезном изучении событий этого периода и выявления роли Кагановича в изменении социокультурной ситуации в республике.

Источниковая база для изучения данной проблемы достаточно обширна. Несомненный интерес представляют собой как официальные документы, так и документы личного происхождения. Среди опубликованных источников необходимо отметить стенограммы партийных съездов, декреты советской власти, сочинения В. И. Ленина и И. В. Сталина и т. п., сборники документов по отдельным направлениям партийной политики (как, например, культурное строительство, образование Союза ССР и др.¹⁰⁶) и материалы, относящиеся к области

¹⁰³ Шаповал Ю. І. Л. М. Каганович на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 8. С. 67.

¹⁰⁴ Фролов М. О. Л. М. Каганович і національно-культурна реформа в Україні в 1920-х – 1930-х рр.: особливості особистого ставлення та наслідки діяльності // Культурологічний вісник. 2005. Вип. 14. С. 71–72.

¹⁰⁵ Васильєв В. Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр – субцентр влади (1917–1938). Київ, 2014. С. 155–156.

¹⁰⁶ Например: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 – червень 1941). Київ, 1959; Образование Союза Советских Социалистических Республик: сб. документов. М., 1972. Из истории образования СССР: документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219; «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле-августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 192–207; Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным

внешней политики¹⁰⁷. Кроме того, несомненный интерес представляют работы В. И. Ленина, в том числе его неизвестные документы¹⁰⁸, переписка Л. М. Кагановича с И. В. Сталиным¹⁰⁹, донесения ГПУ И. В. Сталину¹¹⁰, стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.¹¹¹, документы партии и органов госбезопасности о культурной политике в 1917–1953 гг.¹¹².

Активная публикаторская работа ведется и на Украине. Национальной проблематике посвящены многие сборники документов, среди которых стоит отметить «Национальные процессы в Украине. История и современность»¹¹³ и «Украинский язык в XX веке: история лингвоцида»¹¹⁴, «Украинская интеллигенция и власть: сводки секретного отдела ГПУ УССР 1927–1929 гг.»¹¹⁵. Большое количество сборников посвящено голоду 1932–1933 гг.¹¹⁶ Стоит заметить, что украинские специалисты традиционно много внимания уделяют этой проблеме, однако они отнюдь не являются монополистами в данной области. В издательстве РОССПЭН вышли две подготовленные российскими учеными многотомные публикации о положении в советской деревне, куда вошли документы различных ведомств и организаций, в том числе ОГПУ, НКВД, информационные сводки, справки, доклады спецслужб высшему партийному и государственному руководству страны, которые раскрывают механизм антикрестьянской политики сталинского руководства¹¹⁷.

Документы официальных органов власти дополняют статьи политических лидеров, опубликованные в газетах, журналах и отдельными изданиями. Необходимо заметить, что в 1920-е гг. велись активные дискуссии по этому поводу: у политики украинизации находились как сторонники, так и противники. Последние если и не выражали открыто сомнения в необходимости ее проведения, то настаивали на корректировке курса, приводили факты многочисленных «перегибов» и «извращений». Помимо статей В. И. Ленина и И. В. Сталина, стоит выделить произведения М. С. Волобуева, Г. Ф. Гринько, В. П. Затонского, Ю. Ларина, Н. А. Скрыпника, А. Я. Шумского, А. А. Хвыли и др. Необходимо заметить, что большое количество сведений об украинизации содержится в периодической печати – как центральной (журнал «Большевик», газеты «Правда», «Известия»), так и украинской (журнал «Більшовик України» и газеты «Комуніст», «Вісті ВУЦВК», «Пролетарська правда»). Оценить весь спектр мнений по поводу сроков и объемов украинизации помогают также мемуары и дневники, прежде всего, самого Л. М. Кагановича¹¹⁸, а также других деятелей, например, С. А. Ефремова¹¹⁹, Т. М. Кардиной¹²⁰, И. Майстренко¹²¹.

(1924–1953). М., 2008; Политическое руководство Украины 1938–1989: сборник документов. М., 2006; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. док. в 2 тт. Т. 1: 1918–1933. М., 2005; Т. 2: 1933–1945. М., 2009; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: сб. док. М., 2004.

¹⁰⁷ Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955; Документы внешней политики СССР. Т. 1–21. М., 1959–1977; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–6. М., 1957–1964.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999.

¹⁰⁹ И. В. Сталин и Л. М. Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001.

¹¹⁰ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): в 10 т. Т. 1–9. М., 2001–2013.

¹¹¹ Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000.

¹¹² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002.

¹¹³ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 ч. Київ, 1997.

¹¹⁴ Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005.

¹¹⁵ Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. Київ, 2012.

¹¹⁶ Среди публикаций стоит выделить: Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. Київ, 2007.

¹¹⁷ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 тт. М., 2000–2012; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 тт. М., 1999–2006.

¹¹⁸ Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.

¹¹⁹ Ефремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997.

Среди архивных материалов следует выделить, прежде всего, материалы руководящих органов ЦК КП(б)У, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины. Для исследования проблемы украинизации важное значение имеют хранящиеся в архиве документы съездов и пленумов ЦК КП(б)У, на которых рассматривался национальный вопрос, материалы комиссии ЦК КП(б)У по национальному вопросу, комиссии Политбюро по украинизации, протоколы и материалы заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата, на которых также принимались решения по проблемам украинизации, а также многочисленные справки и записки украинского руководства. Большое количество сведений об украинизации содержат документы органов советской власти, хранящиеся в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины. Привлечение документов органов законодательной и исполнительной власти УССР позволяет проследить их действия по превращению в жизнь политики украинизации, выявить, с какими трудностями пришлось столкнуться, какие меры предпринимались для их преодоления. При украинском Совнаркоме была создана Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата, а при ВУЦИК – Центральная комиссия по делам национальных меньшинств: переписка и материалы этих комиссий представляют несомненный интерес при исследовании проблемы украинизации. В упомянутых выше архивах содержатся и коллекции личных документов партийных и советских деятелей, участников Октябрьской революции, гражданской войны и установления советской власти на Украине, где содержится также немало сведений по интересующей нас теме. Например, интересные материалы содержатся в фонде В. Я. Чубаря – члена ЦК КП(б)У, долгое время бывшего председателем СНК УССР, в личном фонде Г. И. Петровского, долгое время являвшимся главой Всеукраинского ЦИК. Любопытные материалы содержатся в архивной коллекции воспоминаний участников революционных событий, гражданской и Великой Отечественной войн и социалистического строительства.

Конечно, основной массив архивных источников по истории украинизации содержится в украинских архивах. В то же время российские специалисты также располагают значительным комплексом источников. Большое количество документов, помогающих полнее понять большевистскую политику коренизации, хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), особенно документы съездов и пленумов ЦК РКП(б) – ВКП(б), сектора информации, организационно-инструкторского отдела, Оргбюро и Секретариата. Материалы Пленумов, Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК украинской компартии поступали в сектор информации отдела руководящих политорганов ЦК ВКП(б). Весьма ценные материалы хранятся также в фонде Л. М. Кагановича, где содержатся документы 1925–1928 гг., т. е. того периода, когда Лазарь Моисеевич возглавлял компартию Украины. Здесь хранятся его личные письма, заметки, черновики статей и выступлений, докладные записки, подготовительные материалы к заседаниям политбюро ЦК КП(б)У и т. п. В фонде В. М. Молотова хранятся его отчеты о поездках на Украину в 1927–1932 гг. Личные материалы Д. З. Мануильского представляют интерес прежде всего в связи с его пребыванием на Украине в 1920–1922 гг.

Изучение столь обширного круга источников позволяет выявить особенности украинизации середины 1920-х годов, определить цели и задачи, которые преследовал Л. М. Каганович, установить роль различных факторов в определении объемов и границ украинизации, выявить различные точки зрения на происходившие события в кругах партийного и советского руководства страны. В конечном итоге это позволит понять, почему же изменилось отношение партийного и советского руководства к проведению украинизации, почему начался процесс ее интенсификации, кто был в этом заинтересован?

¹²⁰ Кардиналовская Т. М. Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996.

¹²¹ Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985.

Глава 1

Федерация и автономия: большевистские планы решения «украинского вопроса» в 1917–1922 гг

§ 1. Революция, Брестский мир и право наций на самоопределение

Один из важнейших периодов для судьбы украинских земель начался в феврале 1917 года. К этому моменту представления интеллектуальной элиты о том, кем является население юго-западной части Российской империи – самостоятельной нацией или этнографической группой (т. е. украинцами или малороссами), – отличались достаточной вариативностью: всю вторую половину XIX и начало XX в. велись ожесточенные дискуссии о единстве «русских племен» и значимости этнических и культурных различий между великороссами и малороссами. В период Первой мировой войны «украинский вопрос» окончательно приобрел политическую окраску, и «борьба украинца с малороссом»¹²² перешла в практическую плоскость. «На Украине – народ украинский»¹²³, – заявляли лидеры украинского национального движения, настаивая на необходимости реализации своих политических планов. Настоящее имя украинцев – малороссы, т. е. русские Малой Руси, настаивали их противники¹²⁴.

После февраля 1917 г. стало очевидно, что на прежних условиях государство существовать не может, и характерная для российской империи система управления различными регионами должна быть пересмотрена. В российском общественном мнении существовали различные представления о путях решения «украинского вопроса»: широко обсуждалась идея децентрализации территориального устройства государства, проблема автономии и федерации. Власть на украинских землях менялась несколько раз. Как заметил М. А. Булгаков, «по счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил»¹²⁵. Сторонникам различных национальных проектов удалось в это время попробовать воплотить в жизнь свое видение будущего государственного устройства Украины, причем многие из них вынуждены были корректировать свои первоначальные планы с учетом не только внутреннего, но и внешнего положения: на политическую ситуацию на украинских землях пытались активно воздействовать Германия и Польша.

¹²² См. Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. Ю. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2 тт. М., 2012. Т. II. С. 392–443.

¹²³ Вишниченко В. Відродження нації. Ч. 1. Київ; Відень, 1920. С. 125–126.

¹²⁴ Выражение А. И. Савенко. Цит. по: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд. М., 2016. С. 215.

¹²⁵ Булгаков М. Киев-город // Булгаков М. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. Записки покойника: Театр. роман. Повести. Рассказы. Минск, 1990. С. 394.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.